

**ЛЕКСИКОГРАФИЯ
И ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА**

УДК 81'374

**НЕМЕЦКО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ 1834–35 гг.:
МЕТАЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ***Л.И. Ахметсагирова***Аннотация**

В статье затрагиваются вопросы истории немецко-русской лексикографии и методики анализа словарных трудов, впервые изучается «забытый» лексикографический памятник XIX в. – немецко-русский словарь 1834–35 гг. В ракурсе работы находятся его макро- и микроструктурные характеристики, исследуются вопросы композиционного оформления (состав структурных компонентов, объём и характер словника, принципы организации и презентации языкового материала, способы передачи и дифференциации значений, подача фонетической и грамматической информации, характер иллюстрирующих примеров). Кроме того, описывается положение немецко-русской лексикографии в первой половине XIX в. и приводится общественная реакция на изучаемый языковой справочник, демонстрируемая на основе рецензии В.Г. Белинского.

Ключевые слова: немецко-русский словарь, «Общество любителей обоих языков», макро- и микроструктура, XIX век.

1. Вводные замечания

Несмотря на устойчивый интерес к вопросам теории и практики словарного дела, на протяжении уже многих десятилетий приходится констатировать тот факт, что отдельные направления лексикографии до сих пор не получили должного освещения в отечественной (как впрочем, и зарубежной) научной литературе. Это относится и к двуязычной немецко-русской лексикографии, опыт которой практически не изучен и не отражён в специальном монографическом исследовании, хотя существует ряд работ по этой теме (см. [1, 2] и др.). При наличии многовековых традиций и обширного корпуса созданных словарей¹ всё же до сих пор не написана история немецко-русской лексикографии, нет обобщающих и систематических работ в этой области. Цель настоящей статьи – дать импульс к изучению истории переводного словарного дела с немецким и русским языками.

¹ В составляемом нами аннотированном библиографическом указателе двуязычных немецко-русских и русско-немецких словарей XVIII – XIX вв. насчитывается около 90 словарей общего типа и специализированных (с учётом переизданий – более 180).

Статья посвящается не изученному до сих пор произведению российской переводной лексикографии XIX в. – немецко-русскому словарю 1834–1835 гг. (НРС). Данный словарный труд был издан «иждвением книгопродавца Якова Брифа». Напечатан он был в Санкт-петербургской типографии III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии². Полное название словаря на русском языке таково: «Немецко-русский словарь, составленный по лучшим и новейшим источникам, с присовокуплением списка употребительнейших имен мужских и женских, Географического словаря и пространной таблицы неправильных Немецких глаголов». Словарь был создан, как указывается на титульном листе, «Обществом любителей обоих языков» и состоял из двух частей: первая часть включала лексический материал на буквы А–К, вторая – на L–Z.

Немецко-русский словарь «Общества любителей обоих языков» – замечательный памятник российской лексикографической практики и ценный опыт составления двуязычного словаря. Этот языковой справочник представляет несомненный интерес с точки зрения анализа формирования и развития немецко-русской лексикографической традиции и оценки её достижений в историческом ракурсе. Поэтому задача нашего исследования состоит в том, чтобы сделать первый шаг в направлении всестороннего и комплексного анализа этого языкового справочника и одновременно внести вклад в дело разработки методики изучения словарных трудов. В фокусе нашей работы будут находиться композиция словаря и особенности его макро- и микроструктурного оформления. В ходе анализа структуры словаря мы попытаемся представить концепцию, основные принципы и приёмы лексикографической работы авторов-составителей. Результаты нашего исследования могут послужить эмпирическим материалом для дальнейших теоретических систематизаций и обобщений при разработке общей истории немецко-русской лексикографии и позволят в последующем объективно оценить вклад создателей словаря в развитие отечественного словарного дела.

Кто конкретно принимал участие в создании данного словаря – неизвестно, указаний на имена составителей в самом справочнике не содержится³. Этот труд – не первый переводной и, в частности, немецко-русский словарь, созданный определённой группой людей, именовавших себя «Обществом». Так, в 1798 г. был издан «Полный немецко-русский лексикон» Аделунга (СлАд), созданный «Обществом Ученых людей». Поэтому изучение словаря «Общества любителей обоих языков» представляет интерес не только с точки зрения знакомства с диахроническим развитием лексикографии в России, значимо оно и в плане анализа результатов деятельности различных обществ в их служении на благо отечества, в том числе в сфере развития словарного дела.

Поскольку специальных работ, посвящённых истории немецко-русской лексикографии, практически не существует, для более глубокого понимания контекста возникновения словаря «Общества» нам представляется необходимым коротко охарактеризовать положение немецко-русской словарной практики в первой половине XIX в. до выхода в свет изучаемого нами труда.

² Это была личная канцелярия российских императоров. III Отделение канцелярии осуществляло цензуру, занималось сыском и следствием по политическим делам, боролось со старообрядчеством и сектантством и т. д.

³ К сожалению, информации о так называемом «Обществе любителей обоих языков» нам найти не удалось.

2. Немецко-русская лексикография в 1-й трети XIX в.

Со времён Петра I немцы и немецкий язык начинают играть особую роль в жизни России. Этому в значительной степени способствовала социальная и общественно-политическая ситуация Российского государства. Немцы, появившиеся здесь в результате «миграционной» политики российских правителей XVIII – начала XIX в., а также вследствие завоевания остзейских (прибалтийских) земель Петром I⁴, активно привлекаются к деятельности во многих областях российской действительности: в экономике, государственном управлении, образовании, военном деле и т. д.⁵ Немецкий язык в ряду других иностранных языков шаг за шагом обретает свою сферу влияния: если французский язык в то время являлся «незыблемым признаком принадлежности к свету, языком высшей аристократии, то за немецким языком постепенно закрепляется роль языка учёного мира, языка образованности, в первую очередь естественнонаучного направления» [3, с. 71].

В первой половине XIX в. немецкий язык был особенно востребован, вследствие этого растёт потребность в пособиях для его изучения, а «необходимость в хорошем Немецко-Русском словаре становится с каждым днем ощутительнее» (НРС, стлб. X). Однако удовлетворить этой потребности немецко-русская лексикография в то время в полной мере не могла. Наряду с причинами объективного характера (в стране царит жёсткая цензура, подозрительное отношение правящей верхушки ко всему «чужеродному»), тормозившими словарную деятельность, даёт о себе знать и человеческий фактор: желающих взяться за столь кропотливую и трудоёмкую работу находится немного.

В период с 1800 по 1835 г. в России было издано всего лишь три немецко-русских словаря: в 1801 г. был переиздан словарь И. Гейма (1759–1821), который впервые вышел в 1795 г. (СлГ); в 1812–13 гг. увидел свет словарный труд известного русского переводчика Р.М. Цебрикова (1763–1817) (СлЦ); в 1831 г. появился ещё один словарь анонимного автора (авторов), перепечатанный с первого выпуска 1792 г. (Собр.). Справедливости ради нужно сказать и о так называемом «ручном словаре» германского лексикографа И.А.Э. Шмидта (1769–1851)⁶, который был завезён в Россию в конце 20-х годов XIX в. (СлШ). Однако перечисленные словари не могли удовлетворять нуждам пользователей. Объяснение этому дают сами авторы-составители изучаемого словаря: «Словарь, изданный Г. Геймом, весь распродан, да и сверх того его огромность и высокая цена делали его недоступным для многих, имевших в нем нужду. Другие Немецко-Русские словари весьма неполны и следовательно несообразны с целью своего издания» (НРС, с. X). Таким образом, чтобы закрыть брешь, образовавшуюся в российском лексикографическом ландшафте немецко-русских словарей, члены «Общества» берут на себя труд по созданию языкового справочника, который должен был удовлетворять запросам общественности.

⁴ Значительной частью населения края были немцы, образовывавшие дворянство и помещичий слой (местные народности составляли в большинстве своём крестьянство).

⁵ О роли немцев, немецкого языка и об историческом контексте появления немецко-русских словарей в России в XIX в. см. [1].

⁶ Следует отметить, что словари («ручные», карманные, полные) этого очень плодотворного лексикографа были популярным подручным средством как у немцев, так и у русских на протяжении всего XIX столетия вплоть до 20-х годов XX в.

Итак, что же представлял собой переводной словарь начала XIX в.? Как он был построен и какую информацию об описываемом языке он предлагал читателю? Ниже мы попытаемся ответить на эти вопросы и представим металексикографический анализ словаря «Общества». Поскольку данный языковой справочник стал библиографической редкостью, в ходе изложения мы предполагаем дать по возможности подробное его описание и снабдить отдельные положения работы обильными иллюстрирующими примерами. Как и в структуре современных словарей, в композиции изучаемого справочника можно выделить макро- и микроструктуру, для характеристики которых будет использоваться методика, разработанная нами на основе трудов В.П. Беркова, В. В. Дубичинского и ряда других авторов (см. [2, 4–6] и др.).

3. Макроструктура немецко-русского словаря «Общества»

Проанализируем макроструктурные характеристики изучаемого словаря. К макроструктуре (при широком подходе) принято относить «общие проблемы словаря как самостоятельной системы с её внутренними связями и многоплановой организацией» [5, с. 60]. К макроструктуре словаря относят такие проблемы, как состав основных частей словаря, объём и характер словника, принципы отбора, расположения и презентации языковых единиц в словаре (ср. [7, с. 109–110]). Рассмотрим данные вопросы применительно к нашему словарю.

3.1. Состав основных частей. Как известно, словари должны «содержать структурные компоненты, объясняющие концепцию словаря, расширяющие и углубляющие восприятие информации, содержащейся в словнике» [8, с. 18]. Авторы изучаемого словаря пытались построить свой справочник так, чтобы его композиция была понятна и информативна для читателя, чтобы его основные части дополняли друг друга. Словарь «Общества» обладал довольно разработанной макроструктурой: помимо словника здесь содержались предваряющий и заключающий тексты.

Предваряющий текст первой части начинался с титульного листа, оформленного, как это полагается для переводного словаря, параллельно на немецком и русском языках и в идентичной форме. Далее следует посвящение, которое издатель словаря делал «Цесаревичу, Наследнику и великому князю Александру Николаевичу», то есть будущему Александру II. За посвящением идёт предисловие, излагающееся параллельно на немецком и русском языках. Авторы раскрывали здесь «основания, коими руководствовались при составлении и расположении онаго [словаря]» (НРС, стлб. XII). Здесь мы находим некоторую информацию о: 1) использованных источниках; 2) принципах расположения и представления языковых единиц; 3) объёме и характере словника. Так, по свидетельству авторов, при отборе немецкой лексики они опирались на известные словари немецкого языка Аделунга, Кампе, Шварца, Венига и Гейнзиуса. При отборе русских единиц они пользовались всеми изданными ранее словарями русского языка, начиная со Словаря Российской Академии. Для этой цели также использовались сочинения лучших русских писателей: Карамзина, Жуковского, Пушкина, Державина, Гнедича, Вяземского, Греча и т. д.

К сожалению, в предисловии не оговаривается та группа пользователей, для которых составлен словарь, а ведь от этой установки зависит структурное оформление языкового справочника. Основного адресата этого труда позволяет выявить с достаточной точностью анализ самого словаря: судя по построению и содержанию структурных компонентов словаря, словарной статьи и выбору принципов представления описываемых единиц им является русскоязычный пользователь, хотя отдельные характеристики словника указывают также на стремление авторов учесть и интересы другой категории пользователей – немцев (свидетельства тому будут представлены ниже, в ходе анализа соответствующих структурных особенностей изучаемого нами словаря).

Одной из особенностей метаязыка любого словаря, повышающих его информативность, является использование условных сокращений (помет). Их цель – привести дополнительную информацию о природе и употреблении описываемой единицы. При этом для беспрепятственного пользования словарём важно, чтобы значения используемых сокращений раскрывались в специальном списке (желательно на двух языках) и чтобы в него входили все сокращения, употребляемые в корпусе словаря. Словарь «Общества» содержал такой список сокращений («Изъяснение сокращений, встречающихся в сем словаре»). Он следовал за предисловием и отвечал названным критериям. Как показывает знакомство с используемыми в словаре пометами, они являются сокращениями латинских (немецких) слов, русский язык в качестве метаязыка авторами не использовался. Значение помет приводилось на латинском (реже немецком) и русском языках. Здесь находят отражение преимущественно пометы, уточнявшие грамматический статус леммы (*a.* – “Adjectivum”, *ad.* – „Adverbium”, *c.* – “Conjunction”, *comp.* – “Comparativus”, *dim.* – “Diminutivum” и др.), даны две стилистические пометы (*fa.* – «*familiär*, употребляемое в простом разговоре»; *vulg.* – «*vulgare*, простонародное») и одна семантическая (*fig.* – «*figürlich*, иносказательно»). В списке нет помет, указывавших на область применения леммы (математика, ботаника и т. д.), на её оценочно-эмоциональную окрашенность («презрительно», «иронично» и т. д.). Однако в самой ткани словаря единичные указания встречаются (причём порой используется помета *T.*, отражающая терминологическое употребление единицы без конкретизации области её использования), ср.:

Aas, n. (Aeser) <...> aasen, v. n. (съ вспом. гл. haben) навалиться на стёрву; –, v. a. (у скорняковъ) мездрить; fig. худо работать⁷.

A b ä n dern, v. a. перемгнить, передглать, переправить; T. склонять; -derlich, a. перемгняемый, склоняемый; -derung, f. (-en) перемгна; склонение.

Machen, v. a. <...> Machwerk, n. (-e) работа, произведение (сие слово употребляется по большей части въ шутовомъ и въ презрительномъ смыслѣ).

S a f r a n, m. s. (crocus sativus) шафранъ; (въ химіи) шафранъ, жёлтая известь; -farbe, f. шафрановый цветъ.

Sache, f. (-n) <...> sächlich, (-er, -ste) a. вещественный; средній (въ грамм. смыслѣ).

За списком сокращений начинался словник. В первой части он включал, как уже отмечалось выше, немецкие заглавные слова и выражения на буквы А–К.

⁷ Леммы в словаре приводятся с выступом.

Эта часть словаря завершалась списком опечаток и следующим за ним перечнем сочинений, напечатанных издателем словаря Брифом. Вторая часть словаря открывалась непосредственно словником, содержащим слова на буквы L–Z.

За корпусом второй части в качестве заключающих текстов помещалась таблица неправильных немецких глаголов, таблиц неправильных русских глаголов в словаре не имелось. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что словарь был составлен и предназначен в первую очередь для русских.

Довольно пространные «Список употребительнейших имен мужских и женских» и «Географический словарь или имена некоторых земель, городов, народов, рек, гор и пр.» являлись завершающими компонентами словаря. Примечательно, что в списке личных имён приводились не только диминутивные формы переводимых лемм, но также фиксировались диминутивные и разговорные формы русских эквивалентов, что, по-видимому, делалось в интересах немецкоязычного пользователя:

Anastasija, f. Анастасія; vulg. Настасья; Настенька, f. dim.
Bernhard, m. Бёрнгардъ, Борисъ; Бóринка, Бóрька, m. dim.
Margarethe, f. Gretchen, n. dim. Маргарита.

3.2. Объём и характер словника. Точной информации об объёме словника в словаре не приводится. Только отмечается, «что в нем помещено по крайней мере десять тысяч немецких слов и выражений больше, которые нельзя найти в ранее изданных немецко-русских словарях» (НРС, стлб. XVI). По нашим подсчётам, в словниках обеих частей содержится около 20500, в списке личных имён – 290, в географическом словаре – 2175 единиц. Таким образом, по объёму словника этот словарь можно отнести к категории средних [2, с. 11].

Говоря о характере словника, авторы указывали на введение в словарь не только исконно немецких, но и заимствованных слов, за что, как они утверждают, при появлении пробного листа словаря многие читатели осуждали их. Оправдывались они тем, что заимствованные слова включались во все самые авторитетные словари немецкого языка, «даже у Гейнзиуса, который назвал свой словарь *народным*, и при том сии слова и речения в большем употреблении у законоведцев и пр., и встречаются не только в ученых сочинениях, но даже в романах» (НРС, стлб. XVI–XVIII). Действительно, характерной особенностью словника является лемматизация большого количества заимствованных единиц, в том числе многочленных, приводимых без этимологических помет-указателей на язык-источник:

Ab intestate, ad. безъ завѣщанія.
Appointement, n. (-s) жалованье.
Materia medica, f. наука о лекарствахъ.
Oblique, a. косвенный; fig. скрытый.
Papier mâché, n. бумажное тѣсто.

Подчёркивалось также невключение в словарь слов, «кои могут казаться предосудительными», ведь предполагалось, что словарь «наиболее будет находиться в руках молодых людей» (НРС, стлб. XVIII).

3.3. Принципы расположения и представления языковых единиц. Существенной чертой изучаемого словаря, отличающей его от предшествовавших ему немецко-русских словарей, являлось употребление в нём гнездового (словообразовательного) способа организации описываемых единиц: сложные и производные слова объединялись в единый абзац (гнездо). Как указывают составители словаря, этот принцип подачи лексики был избран ими потому, что по причине малого объёма словаря «нельзя было, следуя примеру других словарей, печатать все слова вполне, но надлежало употребить другое средство» (НРС, стлб. XIV). Причём интересен избираемый технический приём: «первообразные слова напечатаны или вполне или отчасти с разстановками; в производных же словах, вместо повторения первообразного поставлено лишь тире (–)» (НРС, стлб. XIV), например:

A a l, *m.* (*Aale*) *у́горь, у́грь, т.*; *aalen*, *v. a.* *ловить у́грей*; *-beere*, *f.* *звѣробой*; *-fang*, *m.* (*-fänge*) *ловля у́грей; удобное время для ловли у́грей; то́ня гдѣ у́грей ловятъ*; *-hälter*, *m.* *у́грѣвый садокъ*; *-mutter*, *f.* (*-mütter*) *вѣюнь живородящій*; *-raupe*, *f.* *вѣюнь*; *-streif*, *m.* (*streifen*) *чѣрный ремень на спингѣ нѣкоторых лошадей*; *-wehr*, *n.* (*-wehre*) *заколъ для ловленія у́грей*.

B r i g a d e, *f.* (*-n*) *брига́да*; *-dier*, *m.* (*-e*) *бригади́ръ*.

O b l i g a t i o n, *f.* (*-en*) *долгово́е обяза́тельство*; *-torisch*, (*-er, -ste*) *a.* *обяза́тельный*.

Внутри гнезда леммы (и подлеммы), как правило, располагались в алфавитном порядке. Однако нередко алфавитное расположение нарушалось тем, что в соответствующее гнездо могло включаться семантически родственное слово, начинающееся с другой буквы (оно, как правило, приводилось также на своём алфавитном месте). Это делалось, очевидно, с целью повышения информативности словаря. Например, в словарной статье глагола приводился синоним, отглагольное существительное или причастие данного глагола, ср.:

A b b i e g e n, *abbeugen*, *v. n. irr.* *отгиба́ть, отклоня́ть*; *-gung*, *f.* *отгиба́ние, отклонѣ́ние*.

B r u m m e n, *v. n. (haben)* *ворча́ть, бормота́ть*; *-eisen*, *n.* *ворча́нь*; *-bart*, *m.* (*bärte*), *-kater*, *m.* *ворку́нь*; *-rkeisel*, *m.* *волчо́къ*; *-ig*, (*-er, -ste*) *a.* *воркли́вый*; *Gebrumme*, *n. s.* *ворча́ние, бормота́ние*.

M a h n e n, *v. a.* *тре́бовать запла́ты долга́; припо́мнить о запла́тѣ долга́*; –, *n. s.* *Mahnung*, *f.* (*-en*) *тре́бование*; *g e t a h n e n*, *v. a.* *припо́мнить*; – *v. n.* *каза́ться*.

4. Микроструктура словаря

Рассмотрим микроструктурные характеристики изучаемого словаря. К микроструктуре относят проблемы построения словарной статьи и презентации различного рода информации о лексическом материале словаря [5, с. 56]. Ниже будут проанализированы способы подачи семантических, фонетических, грамматических сведений об описываемых языковых единицах, характер иллюстрирующих их примеров.

4.1. Способы передачи и разграничения значений слов. Что касается анализа микроструктурных особенностей изучаемого словаря, думается, следует

начать его с рассмотрения вопроса раскрытия семантики переводимых единиц, поскольку главной задачей переводной лексикографии является «установление и отображение отношений межъязыковой эквивалентности» [9, S. 23].

Общепризнано, что переводной словарь должен предлагать пользователю не толкование, а переводящий эквивалент [4, с. 155]. Как показывает наш анализ, смысловая структура лемматизированных единиц в словаре раскрывалась преимущественно с помощью соответствующих эквивалентов или совокупности синонимов:

O b r i g k e i t, *f.* (-*en*) *начáльство, правítельство; -lich*, (-*er*, -*ste*) *a.* *начáль-ный, начáльническíй.*

Pact, *Pakt*, *m.* (-*e*) *договóръ, контрáктъ.*

Sacht, (*er*, *este*), *a.* *et ad.* *тíхíй, нескóрый, негрóмкóйй, тíхо, легкó.*

Толкование (разъяснительно-описательный перевод), хотя довольно редко, также использовалось при переводе леммы. Им наделялись, как правило, следующие категории единиц:

1) слова, обозначающие реалии, свойственные немецкой или другой (третьей) культуре и специфические для русской, вследствие чего не имевшие лексического соответствия в русском языке:

B r a n d <...> *-brief*, *m.* (-*e*) *свидѣтельство, котóрое даѣтся томú, кто разорíлся пожáромъ, войнóю* <...>.

Magnificenz, *f.* (-*en*) *тíтул, котóрый даѣтся Рѣкторамъ университетовъ и Генерáль Суперинтендѣнтамъ.*

Ostern <...> *O s t e r d i e n s t a g* <...> *-messe*, *f.* (-*n*) *большáя ярмарка въ Лейп-цигѣ óколо свѣтлаго воскресѣнья* <...>.

2) лексика терминологического характера:

M a r s, *m.* <...> *-segel*, *n.* *мáрсель (пáрусъ на срѣдней мáчтѣ).*

Palme, *f.* (-*n*) *пáльма, мѣра для опредѣленíя толщины дерѣвьевъ, особлíво мáчтовыхъ.*

Paradigma, *n.* (-*men*) *слóво, по котóрому склоняются другíя подобныя слóва* <...>.

Следует отметить, что при переводе названных групп лексем авторы словаря в ряде случаев прибегают к комбинации методов: наряду с толкованием (пояснением) мог также использоваться «транскрипционный» эквивалент [4, с. 159] (ср. выше *Palme*):

Breve, *n.* (-*n*) *брѣве (Пáпскíй прикáзъ).*

Itan, *m.* (-*s*) *Имáнъ, Турѣцкíй монахъ.*

Maravedi, *m.* (-*s*) *маравѣди, Испáнская мѣлкая монѣта.*

Примечательно, что толкования немецких лемм могли содержать краткие энциклопедические (исторические, лингвострановедческие) сведения, что, безусловно, повышало информативный потенциал словаря:

Iden, *pl. f.* *Иды, пятнáдцатое числó Мáрта, Мáя, Ю́ля и Октяб́ря, и три-нáдцатое прóчихъ мѣсяцевъ у дрѣвнихъ Рíмлянъ.*

Mark, *f. s.* *мáрка (вѣсъ, содержáщíй 16 лóтовъ или 288 грáновъ); мáрка (мнíмая монѣта).*

Olla potrida, *f.* *Испáнское кúшанье, состоящее из рúбленáго мýса; fig. всýкая всýчина.*

Важным моментом в двуязычном словаре является разграничение значений (оттенков значений) лексических единиц. Как правило, указание на разные значения единиц входного языка осуществляется в словаре в двух формах: эксплицитной (например, семантизация) и имплицитной (например, с помощью цифр, определённых знаков препинания).

В изучаемом словаре для дифференциации (разграничения) значений (оттенков значения) использовались преимущественно имплицитные средства: запятая или точка с запятой. Запятая, как правило, употреблялась, когда значение переводимой единицы передавалось либо суммой синонимов, пояснявших различные оттенки значения слова, либо набором исконно русских и заимствованных эквивалентов:

Abmahnen, v. a. *отсговѣтывать, отговаривать.*

Br e sch e, f. (-n) *проломъ, брѣшь <...>.*

Magie, f. *волиѣбство, чародѣйство, очарованіе <...>.*

С помощью точки с запятой отделялись чаще всего разные значения полисемной единицы:

Abfangen, v. a. *irr. перехватить; подпирать столбáми проходъ в рудокóпнѣ; убить звѣрь охóтничьимъ ножѣмъ.*

Makel, m. *недостáтокъ, порóкъ; пятно <...>.*

P a r a d e, f. (-n) *парадъ, стрóй; щегольствó, убранство, великолѣние; остановленіе (лóшади); парирование, отраженіе ударовъ, оборóна, отбívка <...>.*

Примечательно, что в эксплицитной форме приводятся уточнения к оттенкам значений эквивалентов (эквивалентная семантизация), которые помещаются в скобках вслед за эквивалентом и даются на русском языке:

Ablöschen, v. a. *простудить, прохолодить (уголья); смарать (со стѣны, съ доски) <...>.*

Br e ch e n, v. n. *irr (sein) ломаться; разрываться; пробиться, прорваться; проникать; темнѣть, мутиться (о глазахъ); – , v. a. нарушить (постъ); превать (молчание); нарушить (миръ, присягу, законъ) <...>.*

Park, m. (-e) *рóща; звѣринець; паркъ (артиллѣри).*

Наличие эквивалентной семантизации и практически полное отсутствие семантизации при заглавных единицах подтверждают тот факт, что словарь предназначался в первую очередь для русскоязычного читателя.

4.2. Фонетическая информация. Как известно, одной из важных задач современного двуязычного словаря является предоставление информации, необходимой для правильного произнесения заглавной единицы и эквивалентов. Эта информация, как правило, складывается из двух элементов – информации о просодической характеристике (ударении) и информации о звуковом составе слова.

Анализ показывает, что в словаре представлены только сведения об ударении, причём ударением снабжались только русские единицы:

Buttner, m. *бочáръ.*

M a a t, m. (-e) *помóщникъ; -schaft*, f. (-en) *товáрищество.*

Oase, f. (-en) о́аза (плодо́родная мѣста въ пусты́няхъ Африка́нскихъ, Араві́йскихъ и. пр.)

Указание ударения в русских словах в очередной раз доказывает, что авторы словаря также ориентировались и на немецкоязычного пользователя. Отсутствие ударения в немецких словах объясняется, по-видимому, тем, что в силу довольно чётких правил немецкой просодии авторы посчитали приведение данной информации в словаре излишним.

4.3. Грамматическая характеристика. Следует отметить, что авторы изучаемого словаря осознавали необходимость давать читателю информацию, позволяющую ему грамматически правильно употреблять слово в контексте. Анализ выявил, что в словаре преобладает парадигматическая информация, то есть сведения об отдельных словоформах лексической единицы, причём в словаре была разработана преимущественно грамматическая характеристика левой части словника (заглавных единиц), поскольку, как отмечалось выше, словарь, по-видимому, рассчитывался в большей степени на русскоязычного пользователя.

Наиболее подробная парадигматическая характеристика представлена при существительном: указывался род, в скобках рядом с леммой приводилось соответствующее окончание (или полная словоформа) множественного числа. Характерной особенностью являлось обозначение существительных, употреблявшихся только в единственном или во множественном числе, с помощью помет *s.* (например, *m. s.* “*masculinum singulare*” и т. д.) или *pl.* “*pluralis*” (*pl. m.*, *pl. n.*, *pl. f.*):

Odeon, n. s. Одео́нъ, Аѳи́нскій теа́тръ.

Pacta conventa, n. pl. догово́ры, подпи́сываемые ново́избраннѣмъ Коро́лемъ По́льскимъ.

Очень удобно для читателя было то, что при существительных давались диминутивные формы с изменяющейся корневой гласной:

Maus, f. (Mäuse) Mäuschen, Mäuslein, n. dim. мѣшь f., мѣшка <...>.

Ochs, m. (-en) Oechschen, Oechslein, n. dim. быкъ, волъ, бычо́къ dim.; fig. грубья́нь <...>.

Примечательно, что диминутивы нередко указывались и у русского эквивалента, причём диминутивные формы приводились тогда, когда при их образовании наблюдалось чередование согласных:

Ohr, n. (-en) Öhrchen, n. dim. у́хо, ушко́, dim. <...>.

При русских эквивалентах на *-ь* или *-я*, по которым иностранцу сложно определить род существительного, этот род указывался, что, безусловно, тоже делалось в интересах немецкоязычного пользователя:

Bürde, f. (-n) брѣ́мя n., тѣ́жесть f. <...>.

Oheim, m. (-e) дѣ́дя, m.

Единственным недостатком описания немецких существительных в словаре является отсутствие окончаний родительного падежа, с которыми, как правило, возникают большие трудности.

Довольно непритязательна разработанность глаголов: в большинстве случаев приводился лишь их инфинитив с пометами *v. a.* – «*verbum activum*, глаголь дѣйствительный» (т. е. переходный), *v. n.* – «*verbum neutrum*, глаголь

средний», (т. е. непереходный), *v. r.* – «*verbum reciprocum*, глаголь возвратный», *v. imp.* – «*verbum impersonale*, глаголь безличный». Этому обстоятельству имеется объяснение: как уже упоминалось, в заключительном тексте (за словариком) второй части словаря помещена таблица глаголов неправильного спряжения, к которой пользователя должна была отсылать помета, находящаяся при лемме-глаголе: *irr.* – «*irregulär*, неправильный». Данная таблица содержала практически все нерегулярные словоформы, вызывающие трудность у пользователя, изучающего немецкий язык: 1 л. ед. ч., 2 л. ед. ч., 3 л. ед. ч. *Präsens*; 1 л. / 3 л. ед. ч. *Imperfekt Indikativ* и *Imperfekt Konjunktiv*, 2 л. ед. ч. *Imperativ* и форму *Partizip II*. Таким образом, включение данной таблицы в словарь освобождало авторов от необходимости вводить в корпус словаря значительный объем информации, чем достигалась экономия места.

В микроструктуру глагольной статьи могло также входить указание на соответствующий вспомогательный глагол: всегда приводился *sein*, а при непереходных глаголах – *haben*. Такое решение авторов наверняка обусловлено желанием оказать помощь пользователю, ведь выбор вспомогательного глагола, как известно, затруднителен:

Abblitzen, v. a. (haben) перестать (от молнии); (sein) остьчься (о ружьях).

Brenzeln, v. n. (haben) пахнуть пригаркою.

Как уже говорилось выше, в статье неправильных глаголов указывалась форма причастия. Это значительно повышало информативность словаря, тем более что причастие также приводилось на своём алфавитном месте:

Abdreschen, v. a. irr. отломить; fig. отколотить, отдуть; сговориться; abgedroschen, p. тошлый, вялый, подлый, глупый; abgedroschenes Zeug, старое вранье.

Abgedroschen, v. abdreschen.

Описание других частей речи также имеет свои характерные черты. Так, оригинальна подача окончаний сравнительной и превосходной степеней или полных словоформ нерегулярных компаративов у прилагательных (обозначавшихся пометой *a.* “*adjectivum*”):

Brühe, f. (-n) жужа, соусь; <...> b r ü h heiß (-er, -este), -warm (-wärmer, -wärmste), a. кипящий, очень горячий.

Palpabel, (-bler, -belste) a. осязаемый, осязательный.

Этот принцип не встретишь в современных словарях, хотя, думается, его использование было бы вполне целесообразно. Особенно полезно и важно было бы указание форм степеней сравнения (в полном или усечённом виде) при появлении отдельных отклонений в формообразовании, например при беглой гласной, умляуте. При этом указание окончаний регулярных форм, как это делается в изучаемом словаре, излишне, поскольку занимает много места.

При прилагательных-исключениях словоформы степеней сравнения приводились полностью, эти формы (с пометами *comp.* – “*Comparativus*”, *superl.* – “*Superlativus*”) выносились также – хотя и непоследовательно – на их алфавитное место:

Beste, a. superl. m. f. n. лучший, ая, ee <...>.

Hoch, (höher, höchste) a. et ad. высокий, возвышенный; высоко, далеко, очень <...>.

Тот же принцип наблюдается при описании наречий (*ad.* – «Adverbium»):
Gern, (lieber, am liebsten) ad. охóтно, съ охóтою, óчень; обыкновéнно.

Oft, (öfter, am öftersten) ad. чáсто; чáще, сотр., многокράтно <...>.

Следует отметить довольно непоследовательное описание местоимений и числительных. Согласно списку сокращений, местоимение должно было обозначаться пометой *pr.* («Пропomen»), но она часто не употреблялась. Не всегда указывался также падеж, в котором приводилась словоформа:

Ihm, dat. s. емý.

Ihn, acc. s. егó.

Ihnen, dat. pl. имъ, вамъ.

Ihr, dat. ей; вы; ихъ; свой; вашъ; ihrige, pr. m. f. n. вашъ; *Ihro, pr.* <...>.

Mich, pr. acc. меня́.

Mir, pr. мнѣ.

Mein, pr. мóй, мо́я, моё; *meiner, ego.*

Sein, pr. свой; *seiner, ego.*

Из примеров видно, что парадигма личных местоимений почти полностью фиксировалась в словаре, причем её элементы приводились на своих алфавитных местах, что является большим плюсом словаря.

При описании числительных использовались пометы *a.* (“Adjectivum”) или *num.* (“Numerus”), последняя вообще не фиксировалась в списке сокращений:

D r e i, a. num. три, трóе <...> *F ü n f, a. num.* пять <...> *V i e r, a.* четы́ре <...> *Zehen, Zehn, a.* де́сять <...>.

Очередным свидетельством того, что авторы-составители словаря ориентировались также на пользователя-немца, является наличие отдельных парадигматических сведений и при русских эквивалентах.

Синтагматическая характеристика в виде информации об управлении языковой единицы также представлена в словаре, однако она разработана довольно слабо, причём синтагматической характеристикой – в тех редких случаях, когда она давалась, – наделялись глаголы, предлоги и устойчивые сочетания, приводимые в качестве примеров. В глагольной словарной статье в основном указывалось управление эквивалентов; при описании предлогов, наоборот, фиксировалось управление леммы; при подаче устойчивого выражения управление давалось как у немецкой единицы, так и у русской:

A b l e i g e n, v. a. отрица́ть что, запира́ться въ чемъ <...>.

B r i n g e n, v. a. irr. прине́сти, приве́сть, произво́дитъ <...> *einen um das Seinige - ,* лиши́ть когó имѣ́нiя <...>.

O b, prp. (mit dem Dat. und Acc.) надъ, о, изъ, за <...>.

4.4. Иллюстрирующие примеры. Стремление авторов сохранить небольшой формат и объём словаря и при этом достичь наибольшей полноты словника, очевидно, явилось причиной того, что анализируемый словарь крайне беден на иллюстрирующие примеры. Характер имеющихся примеров довольно однороден – в основном это свободные словосочетания:

A b n e h m e n, v. a. irr. отнима́ть, снима́ть, убавля́ть, уменьша́ть, суди́ть, заключа́ть; *sich den Bart-,* бри́ться; *einen Eid-,* взять, принять съ когó прися́гу;

einem sein Geld-, *выиграть у кого деньги*; *daraus lässt sich-*, *изъ сего́ можно заключить*, -, *v. n. уменьшиться, убавляться, приходиться въ упáдокъ* <...>.

Braten, *v. a. жарить, печь, испечь*; *Apfel-*, *печь яблоки*; *in Butter* -, *жарить в масле, auf dem Roste* -, *поджарить* <...>.

Mangel, *m. (Mängel)*, *недостáтокъ, нуждá*; - *leiden*, *имѣть недостáтокъ*; *in - gerathen*; *оскудѣть* <...>.

Однако в редких случаях приводятся также и устойчивые выражения, причём перевод их давался в основном не с помощью эквивалентного образного сочетания русского языка, а чаще всего с помощью переменного (свободного) сочетания или отдельной лексемы (лексемный перевод):

Oben, *ad.* <...>; - *auf*, *на верху*; *er ist jetzt -auf*, *он преодолѣлъ всѣ трудности* <...>.

Pantoffel, *m. (-n) -chen*, *n. dim. туфля, пануша*; *unter den - kommen*, *попáсть подѣ власть жены* <...>.

Sand, *m. s. песокъ*; *auf - bauen*, *предпринимáть что непрóчное*; - *in die Augen streuen*, *обмануть, обольстить* <...>.

5. Общественная реакция на словарь «Общества»

В заключение нам хотелось бы представить отзыв на словарь «Общества», подготовленный известным российским литературоведом и критиком В.Г. Белинским. Его содержание ясно отражает представления современников о «хорошем» словаре и позволяет понять требования, предъявлявшиеся тогдашней публикой к этим пособиям.

Следует отметить наличие в XIX в. значительного числа рецензий на словарные сочинения. Это обстоятельство указывает на то, что появление данных пособий было важным событием в культурной жизни российского общества и получало широкий резонанс. Очевидно, что и выход в свет словаря «Общества» ждали с нетерпением. Он был положительно встречен публикой. Во всех имеющихся рецензиях (объявлениях) на анализируемый справочник отмечается удобство словаря, его полнота, типографическая исправность и умеренность цены.

В журнале «Молва» (1835 г., № 41) был помещён отзыв Белинского (БР), который характеризовал словарь «Общества» как «неоцененное сокровище во всех отношениях». Белинский отмечал, что словарь имеет «расположение совершенно новое» (как было показано выше – гнездовое). В таком расположении Белинский видел тот плюс, что благодаря ему «выигрывается множество места, а экономия места в словарях дело великое, ибо очень неприятно рыться в огромном фолианте». Однако используемый в словаре принцип расположения, по словам Белинского, имел и свой недостаток: «для не привыкших к нему очень затруднительно приискивать слова; но когда привыкнешь, нет ничего легче». Среди достоинств словаря в рецензии также подчёркивались его «внешние качества», составляющие «большую важность», поскольку «самый формат играет в нем большую роль, и в этом отношении», – писал Белинский, – «я не знаю ничего лучше словаря Г. Брифа». О «внутренних достоинствах или недостатках» словарного пособия Белинский ничего не писал, поскольку «сперва нужно хорошенько присмотреться к нему, а для этого нужно время». Впрочем, он

отмечал, что «и теперь видно, что он полнее и удовлетворительнее всех предшествовавших ему», однако сожалел о «скудости фразеологии». Ещё один недостаток видел Белинский в том, что «слова, пишемая различным образом, в нем означены только по употребительнейшей орфографии, чрез что люди, не коротко знакомые с Немецким языком, приводятся в большое затруднение». В заключение Белинский делал вывод, что «во всех прочих отношениях» словарь «Общества» – «неоцененный подарок публике».

Заключение

На примере словаря 1834–1835 гг. мы видим, что достижения немецко-русской лексикографии в изучаемый период были действительно значительными. В ходе анализа мы встретили удачные решения и интересные находки авторов-составителей, полезные и нужные современной лексикографической практике. Если сравнить в структурном плане словарь «Общества» с современными, то можно установить, что они мало чем будут отличаться. Ясно, что методические и методологические основания словарной работы закладывались именно в словарях прошлого.

Ю.К. Якимович пишет: «...иногда последующее поколение лексикографов забывало то полезное и нужное, что было сделано, и начинало работу заново» [10, с. 3], поэтому теряло драгоценное время. Чтобы этого не происходило, следует изучать наследие предшествующих поколений. Как известно, учёт принципа историзма, традиционности и преемственности позволяет быстрее, эффективнее и продуктивнее развиваться любому научному направлению. Найденные, но «забытые» способы решения лексикографических проблем могут дать положительный импульс при разработке словарей нового поколения и позволят качественнее и быстрее эволюционировать словарному делу.

Словарь «Общества» изучен ещё не полностью. В качестве перспективы можно наметить более глубокий анализ словника, его характера, способов перевода тех или иных категорий лексики (реалий, терминов, фразеологических единиц и т. д.). Интересные результаты может дать исследование источников словаря. Оно позволит оценить самостоятельный вклад авторов в создание словаря в частности и в дело развития немецко-русской лексикографии в целом. Изучению данных аспектов мы хотим посвятить наши следующие работы.

Summary

L.I. Akhmetsagirova. The German-Russian Dictionary of 1834–1835: Meta-Lexicographical Analysis.

The article deals with the history of German-Russian lexicography and the methodology of analysis of lexicographic works. For the first time we have studied a “forgotten” lexicographic monument of the 19th-century – the German-Russian dictionary of 1834–1835 of the “Society of Lovers of Both Languages”. The paper is focused on the dictionary’s macro- and micro-structural characteristics and features of composition, i.e. the structural parts of the dictionary, the scope and selection of headwords, the principles of arrangement and presentation of language material, the ways of explanation and differentiation of word meanings, the presentation of phonetic and grammatical information, and the nature of illustrative examples. In addition, we describe the situation in German-Russian lexicography in the first half of the 19th century and

the public reaction on the dictionary under study, based on the review of the famous Russian literary critic V.G. Belinsky.

Keywords: German-Russian dictionary of 1834–1835, “Society of Lovers of Both Languages”, macro- and microstructure, 19th century.

Источники

- НРС – Немецко-русский словарь, составленный по лучшим и новейшим источникам, с присовокуплением списка употребительнейших имен мужских и женских, Географического словаря и пространной таблицы неправильных Немецких глаголов. Составленный Обществом любителей обоих языков. – СПб.: Я. Бриф, тип. III Отделения С. Е. И. В. канц., 1834–1835. – Ч. 1: А–К. – 1834. – XX с., 946 стлб.; Ч. 2: L–Z. – 1835. – 1318 стлб., 16 с. (13.5 × 11 см).
- СлАд – Полный немецко-русский лексикон из большого грамматико-критического Словаря господина Аделунга составленной с присовокуплением всех для совершенного познания немецкого языка нужных словоизречений и объяснений: в 2 ч. – СПб. Имп. тип., 1798. Ч. 1: А–L, 2, X, 1048 с.; Ч. 2: M–Z, 4, 1060, 4 с. (23 × 14 см).
- СлГ – *Гейм И.А.* Словарь немецко-русский и русско-немецкий старанием Иоганна Гейма, коллежского асессора и Императорского Московского университета профессора и подбиблиотекаря. – Часть первая, содержащая немецкое с российском переводом. – Рига: К.И.Г. Гартман, 1801. – 1570 стлб. (21.5 × 13 см).
- СлЦ – *Цебриков Р.М.* Новейший самоучительный немецко-русский словарь, в котором помещены слова Немецкия, или совсем или отчасти сходствующия с Руским, с присовокуплением разных речений Немецкому языку свойственных. Изданный в пользу желающих изучиться легчайшим способом немецкому языку. – СПб.: Тип. Деп. Внешн. торговли, 1812–1813. – Ч. 1: А–L. – 1812. – VIII, 400 с. (21 × 13 см); Ч. 2: M–Z. – 1813. – VIII, 448 с. (20.5 × 12.5 см).
- Собр. – Собрание немецких и иностранных, в немецком языке принятых первообразных слов. – СПб.: Тип. И. Глазунова, 1831. – [4], 92 с. (17 × 10.5 см).
- СлШ – *Шмидт И.А.Э.* Ручной словарь русско-немецкий и немецко-русский по словарю Академии Российской Санкт-Петербургской, сочиненный И.А.Э. Шмидтом Академическим Лектором Российской и ново-греческого языка при Лейпцигском Университете. – Лейпциг: К. Таухниц, 1823–1827. – Ч. 1: Русско-немецкая. – 454 с.; Ч. 2: Немецко-русская. – С. 455–752. (16 × 11.5 см).
- БР – *Белинский В.Г.* [Рецензия] // Молва. – 1835. – № 41. – С. 230–232.

Литература

1. *Ахметсагирова Л.И.* Основные предпосылки развития немецко-русской лексикографии в России в XIX в. // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. – 2012. – № 8 (72). – С. 53–57.
2. *Böhler Cl.* Das Russisch-Deutsche Wörterbuch von Iwan Pawlowsky. Eine metalexikographische Analyse. – München: Verlag Otto Sagner, 2003. – 208 S.
3. *Кацкова Т.А., Шютц С.* Из истории преподавания немецкого языка в Санкт-Петербургском университете (XIX – начало XX в.) // Немцы в России: русско-немецкие научные и культурные связи. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. – С. 71–81.
4. *Берков В.П.* Двуязычная лексикография. – М.: Астрель; АСТ; Транзиткнига, 2004. – 236 с.
5. *Дубичинский В.В.* Лексикография русского языка. – М.: Наука; Флинта, 2008. – 432 с.

6. *Bergenholtz H., Mogensen J.* Geschichte der Lexikographie mit Deutsch und Dänisch // Studien zur zweisprachigen Lexikographie mit Deutsch II. – 1995. – S. 191–222.
7. *Бобунова М.А.* Фольклорная лексикография: становление, теоретические основания, практические результаты и перспективы: Дис. ... д-ра филол. наук. – Курск, 2004. – 443 с.
8. *Ахметсагирова Л.И.* О некоторых аспектах макроструктуры немецко-русских и русско-немецких словарей, изданных в Германии в XIX в. // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2013. – Вып. 2. – С. 17–20.
9. *Беленчиков Р.* Межъязыковая эквивалентность и микроструктура двуязычного словаря (на примере РНС) // Das Russische in zweisprachigen Wörterbüchern. – Frankfurt a/M u. a.: Peter Lange, 2006. – S. 23–42.
10. *Якимович Ю.К.* Деятели русской культуры и словарное дело. – М.: Наука, 1985. – 157 с.

Поступила в редакцию
17.04.14

Ахметсагирова Лейсан Исламовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: Leisan.Akhmetsagirov@kpfu.ru